

⁷ См. Кузнецов В.И. Принципы суверенного равенства и самоопределения народов//Международное право и международная безопасность. Диалог советских и американских экспертов. — М., 1991. — С. 261.

⁸ См. Международное право. — М., 1982. — С. 72.

⁹ См. Ильин Ю.Д. Обустроит ли международное право современный мир?//Сов. журнал международного права. — 1991. — № 1. — С. 121.

¹⁰ Там же. — С. 122.

¹¹ См. Вестник МИД СССР. — 1990. — № 24. — С. 25.

¹² См. Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — Т. 1. — С.-Пб., 1887. — С. 185.

¹³ См. Малиновский В. Рассуждение о мире и войне//Свободная мысль. — 1991. — № 13. — С. 108.

¹⁴ См. Альберди Х.Б. Преступление войны. — М., 1960. — С. 28.

¹⁵ Цит. по Миронович Г. Вооруженные силы России сегодня и завтра//Красная звезда. — 1992. — 2 июня.

¹⁶ См. Основы военной доктрины России. Содержание основных терминов. Пояснения к проекту основ военной доктрины России//Военная мысль. — 1992. — Май. — Специальный выпуск.

¹⁷ См. Военная мысль. — 1992. — № 4—5.

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОГРАНИЧЕНИЯ ВООРУЖЕНИЙ И РАЗОРУЖЕНИЯ

Г. А. Шевченко*

“Разоружение” и “ограничение вооружений” необходимо различать терминологически. Под “разоружением” понимается система мер, приводящих к ликвидации или реальному сокращению различных видов оружия и средств их доставки, будь то массового уничтожения: ядерного, химического и биологического, или вооружений, считающихся обычными, включая уменьшение количества вооруженных сил государств, их военных расходов и потенциалов. “Ограничение вооружений” означает, что оружие остается, но государства могут заключать соглашения о таком его использовании, которое будет исключать возможность или жестокость войны. Таким образом, мероприятия в области ограничения и предотвращения гонки средств истребления могут содействовать разоружению, однако сами по себе, как правило, такового не означают. Поэтому не совсем корректно отождествлять термины “разоружение” и “ограничение вооружений”, хотя в идеале они дополняют друг друга¹.

В ООН термин “разоружение” также используется в широком смысле, охватывая даже меры, относящиеся к небольшим ша-

* Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук.

гам по укреплению доверия или к ограничению гонки вооружений². Подобный подход, видимо, объясняется тем, что вплоть до 1987 года фактически не существовало соглашений по разоружению, а международно-правовые договоренности по регулированию вооружений не препятствовали их безмерному увеличению и качественному совершенствованию, не вели к их значительному сокращению. Возможно, шаги по ограничению вооружений отождествлялись с разоружением в пропагандистских целях — показать мировому сообществу государства, что предпринимаются все усилия для решения самой животрепещущей проблемы современности, и эта "борьба" не проходит впустую, а дипломаты и эксперты не тратят времени и значительные средства на бесплодные словопрения.

"Ограничение вооружений" — синоним "контроля над вооружениями", западного термина, который на протяжении десятилетий подвергался необъективной критике в советской доктрине международного права. Контроль над вооружениями, с помощью которого государства, и прежде всего СССР и США, преследовали противоположные интересы и противоречивые цели политического характера, стал неотъемлемой частью их взаимоотношений. Руководители нашей страны использовали свои предложения по ограничению вооружений в качестве политического инструмента для оказания влияния на общественное мнение на Западе и давления на США. СССР использовал контроль над вооружениями для того, чтобы увести их гонку из тех областей, где США имели преимущества (например, СОИ). Но важнейшее значение ограничения вооружений для нас заключалось в поддержании стратегического равновесия с США и в предотвращении ядерного соревнования, которое могло бы привести к ядерной катастрофе³.

Согласно теории права, основными характерными чертами отрасли являются особые предмет и метод регулирования. Однако этот вывод в полной мере нельзя применить к международному праву, ибо указанные предмет и метод не составляют специфики какой-либо отрасли международного права. Хотя нам представляется, что предметом регулирования международного права ограничения вооружений и разоружения являются общественные отношения между государствами по поводу координации их усилий в деле ослабления опасности войны, предотвращения гонки вооружений, их сокращения вплоть до постепенной полной ликвидации всех видов оружия массового уничтожения и доведения до пределов разумной достаточности военных потенциалов всех стран, при сохранении на определенном, возможно, длительном этапе строго ограниченного интернационализированного количества ядерного оружия для целей сдерживания агрессии.

Субъектами этого права в полном объеме являются суверенные государства. Определенной правосубъектностью (например, в плане обеспечения международного контроля за соблюдением юридических обязательств по разоружению или организации санкций в случае их нарушения) могут обладать и некоторые универсальные международные организации, такие как ООН или МАГАТЭ, или специально созданные для этой цели. В мире, где в будущем все виды вооружений и вооруженных сил будут сведены до минимума, необходимого для обороны, роль данных организаций значительно возрастет и неизбежно приобретет наднациональный характер. Г.И. Тункин отмечает, что, "если человечеству удастся избежать ядерного самоуничтожения, развитие пойдет по пути придания международной организации некоторых наднациональных полномочий, необходимых для поддержания международного мира и безопасности"⁴.

Для установления факта существования отрасли международного права российские юристы-международники считают необходимым наличие кроме названных и других критериев. К ним относятся:

- Специфический круг общественных отношений.
- Качественное своеобразие и обособленность (автономность) данной группы норм и принципов.
- Обособленность источников этих норм и способов их создания.
- Большой объем нормативного материала, регулирующего данный вид международных отношений.
- Наличие специальных целей и основополагающих принципов.
- Заинтересованность международного сообщества в выделении и развитии отрасли.
- Делимость нормативного комплекса на институты и подотрасли.
- Наличие в нормативном комплексе норм *ergo omnes* многократного действия.
- Наличие среди норм *ergo omnes* специальных отраслевых норм-принципов.
- Наличие одного или нескольких кодифицирующих актов⁵.

Недостаток доктринальных подходов при систематизации международного права состоит не только в смешении различных по важности критериев, но и в игнорировании факторов, отражающих наиболее значимые внешние свойства и отдельные части и критерии. Представители международно-правовой доктрины лишь указывают на специфику объекта регулирования, не раскрывая ее и, по сути,

ставя особенности межгосударственных отношений в один ряд со свойствами регулирующих их норм. В доктрине международного права остается открытым вопрос о критериях выделения институтов и их отграничения от отраслей, что также не способствует адекватному построению данной системы права. Следовательно, для решения вопроса о закономерностях построения системы международного права необходимо, с одной стороны, четко разграничить факторы, коренящиеся в элементах объективной основы международного права, и критерии, характерные для свойств определенных комплексов его норм, а с другой – выделить критерии выявления не только отраслей, но и институтов⁶.

Выявление структуры международного (внутригосударственного) права есть область и задача доктрины, поскольку его структурная дифференциация, осуществляемая путем кодификации и прогрессивного развития, далека еще от завершения, а в сфере разоружения подобная работа даже и не начиналась.

Н.А. Ушаков считает, что понятия отрасли и института международного права весьма близки и строгого различия между ними провести нельзя в силу существенной их общности, ибо основным, если не единственным, критерием разграничения между ними является предмет правового регулирования⁷. Естественно, в данном случае имеются в виду общие институты международного права, например институт ответственности государств. Действительно, отрасли и общие институты взаимосвязаны, пронизывают друг друга и подчас не могут существовать автономно. Однако, как представляется, между ними есть различия, в частности институты международного контроля, ответственности и подобные как бы "обслуживают" отрасли, являясь гарантией соблюдения составляющих их норм и принципов. Это особенно характерно для разоружения, осуществление которого немыслимо без контроля, используемого и в международном гуманитарном праве, морском, космическом праве.

В отечественной международно-правовой доктрине подчеркивается, что ни один из критериев выделения отраслей международного права не стал общепризнанным в силу недостаточности, неопределенности или непригодности⁸.

Действительно, как правило, отрасли международного права не отличаются своеобразием и обособленностью источников и способов создания норм, хотя и имеют некоторые свои специфические принципы.

Что касается права ограничения вооружений и разоружения, то оно имеет свои особенности и характерные черты, отличающие его от других отраслей. В частности, в нем (как и в праве защиты окружающей среды) особо заинтересовано все человечество, ибо от решения

этих проблем зависят выживание и предотвращение самоуничтожения. Для исследуемой отрасли характерны исключительное договорное оформление, влияние обычая на формирование разоруженческих норм, в данном случае значительно меньшее, чем для других отраслей, хотя он и может иметь определенную роль для формирования, например, принципа запрещения применения ядерного оружия. Для права разоружения и международного права характерна общность основных принципов и норм, что позволяет утверждать, что первое является составной частью второго как единого целого. В то же время специфичность принципов и норм права разоружения не позволяет отождествлять его с другими отраслями. Для этого права особенно характерно самоограничение государств, например в вопросах нераспространения ядерного оружия или сокращения других вооружений, и юридические нормы, в него входящие, затрагивают самые чувствительные интересы всех стран – интересы безопасности. Особенностью рассматриваемой отрасли является способ создания норм, поскольку на первоначальной (по некоторым видам оружия – и на конечной) стадии процесса нормообразования он носит двусторонний характер, ибо военные потенциалы двух держав – России и США – далеко превосходят разумные пределы даже после значительных сокращений, объявленных Б.Н. Ельциным и Дж. Бушем в январе 1992 года. Именно США и Россия должны послужить примером для других стран, в частности пойти на сокращение как минимум 90% всех видов ядерных вооружений и существенно – обычных. Только после этого станет реальностью подключение к процессу разоружения других крупных военных держав.

Во многих случаях новые отрасли и институты международного права возникают значительно раньше, чем в национальном праве, и оказывают влияние на последнее. Однако процесс имплементации международно-правовых норм на национальном уровне чрезвычайно сложен, влечет за собой значительные экономические затраты. Это касалось Договора по РСМД 1987 года и особенно применимо сейчас к Соглашению между СССР и США 1990 года по уничтожению химического оружия. В бывшем СССР крайне редко принимались эффективные внутренние законы, гарантирующие осуществление международно-правовых норм в области разоружения. Поэтому возникали нарушения международных обязательств со стороны различных ведомств (например, по Конвенции 1972 года по бактериологическому оружию). Сейчас такое положение будет, видимо, постепенно исправляться. В частности, разрабатывается внутренний закон по этим вооружениям, который необходимо принять прежде всего в России, а также в других государствах распавшегося СССР. Аналогичного рода проблемы могут возникнуть и с

реализацией Договора об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года и, возможно, других договоров.

Уже в действующем международном праве ограничения вооружений и разоружения существуют нормы *ergo omnes* многократного применения, то есть общепризнанные многосторонние нормы универсального характера. К ним, несомненно, следует отнести режим нераспространения ядерного оружия, признанный более чем 150 государствами мира, который особо нуждается в укреплении и развитии в связи с прекращением существования СССР. 21 декабря 1991 г. Беларусь, Казахстан, Россия и Украина подписали Соглашение о совместных мерах в отношении ядерного оружия. Беларусь и Украина обязались присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия 1968 года в качестве неядерных государств и заключить с МАГАТЭ соответствующие соглашения о гарантиях, а все четыре упомянутых государства – участники соглашения 1991 года обязались не передавать кому бы то ни было ядерное оружие или другие ядерные взрывные устройства и технологии (что шире обязательств по договору 1968 года), а также “контроль над ядерным оружием или ядерными взрывными устройствами ни прямо, ни косвенно” (ст. 5)⁹. Следовательно, Россия и Казахстан остаются ядерными государствами. Президент Украины Л.М. Кравчук неоднократно заявлял, что позиция Украины по ядерным вопросам не изменилась. Однако фактически Украина также является пока ядерной державой.

Возникает вопрос: не противоречит ли это положению договора 1968 года о том, что “государством, обладающим ядерным оружием, является государство, которое произвело и взорвало ядерное оружие или другое ядерное взрывное устройство до 1 января 1967 г.”, и не нужно ли в этой связи вносить изменения в текст договора? Россия, например, признана всем миром как правопреемница бывшего Союза и, следовательно, как ядерная держава. Согласятся ли все остальные государства – участники договора 1968 года рассматривать Казахстан или другое государство правопреемником (т. е. также ядерной державой)? Что в таком случае будут делать Индия и Пакистан – не участники договора, и Китай, недавно ставший его участником? Представляется, что появление фактически трех новых ядерных государств, хотя два из них в перспективе, возможно, обретут статус государств, свободных от ядерного оружия, – явление, не способствующее укреплению режима нераспространения ядерного оружия. В частности, это может усилить позиции Индии, являющейся самым резким критиком договора 1968 года¹⁰.

В январе 1991 года, по сообщениям зарубежных средств массовой информации, Таджикистан (не участник договора) начал пе-

реговоры с ближневосточными государствами о продаже им ядерных материалов; Иран и Ливия пытаются переманить к себе ученых-ядерщиков из азиатских государств бывшего Союза; коммерческие структуры, близкие к бывшему Минатомэнерго СССР, готовы продавать ядерные реакторы и обогащенный уран. Конечно, все эти сведения требуют проверки и могут оказаться недостоверными. Однако, учитывая, что для производства ядерного оружия могут быть использованы расщепляющиеся материалы и отработанное ядерное топливо мирных атомных электростанций, расположенных на всей территории бывшего СССР, такие сообщения не могут не вызывать беспокойства.

Кто теперь, после распада союзных структур и контрольных органов, будет следить за тем, чтобы эти материалы не использовались для производства ядерного оружия или не передавались другим государствам, стремящимся его создать? Будет ли действовать система гарантий МАГАТЭ на всей территории бывшего Союза? Режим нераспространения ядерного оружия, установленный главным образом Уставом МАГАТЭ, системой гарантий агентства, договором 1968 года, Лондонской договоренностью 1976 года об усилении контроля за ядерным экспортом, Конвенцией о физической защите ядерного материала 1980 года, национальным законодательством о ядерном экспорте и т. п., стал универсальной нормой международного права, хотя не все его составные части признаются всеми странами. Этот режим обязаны соблюдать все государства мира независимо от их участия или неучастия в договоре 1968 года, а против его нарушителей следует применять самые строгие международно-правовые санкции. Данный вопрос слабо разработан как в нашей, так и в зарубежной доктрине международного права.

Профессора права Висконсинского университета (США) Г. Милхоллин и Д. Уайт считают вопиющим нарушением принципа нераспространения ядерного оружия продажу Советским Союзом Индии ракетных двигателей и в перспективе – стратегических ракет¹¹. Как известно, Великобритания, Италия, Канада, США, Франция, ФРГ и Япония договорились в 1987 году не продавать третьим странам никаких ракет, способных нести боеголовки весом в 500 кг более чем на 300 км. СССР отказался стать формальным участником соглашения. Россия намерена это сделать. Однако утверждения американских экспертов, будучи не совсем корректными с точки зрения международного права (нераспространение ядерного оружия и нераспространение средств его доставки – это совершенно разные вопросы), наводят на мысль, что продажа ракет, способных быть оснащенными ядерным оружием, странам, которые не являются участниками договора 1968 года, в частности Индии, может ослабить последний.

Критерий выделения отраслей в международном праве на основе объема нормативного материала мало применим к исследуемой отрасли, как и, например, к космическому, воздушному праву, ибо до сих пор заключено не так уж много соответствующих соглашений, которые к тому же неоднородны, неравнозначны, а порой и бесполезны. Вплоть до 1989 года для всей отечественной международно-правовой и специальной литературы было характерно преувеличение значения достигнутых мер по ограничению вооружений.

Существование группы правовых норм по ограничению некоторых видов оружия дало основание уже в 1973 году выдвинуть в советской доктрине международного права идею возникновения права разоружения¹².

Однако в то время можно было говорить лишь о начале формирования права ограничения и регулирования вооружений. Ведь не существовало ни одного договора, по которому государства обязывались бы уничтожить или сократить какой-либо вид оружия. Международная Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении, вступившая в силу в 1975 году, лишь по названию являлась мерой фактического разоружения, так как ни одно государство-участник не заявило, что оно ликвидировало все запасы соответствующего оружия, и до сих пор не создано правового механизма по национальной имплементации конвенции. США, СССР, Великобритания в лице своих представителей в Комитете по разоружению лишь заявили, что они не имеют подобных вооружений. Конвенция имеет ряд недостатков. Из текста конвенции не ясно, запрещены ли исследования в данной области, являются ли соответствующие действия отдельных лиц террористическими актами или нарушающими конвенцию; отсутствует определение биологического и токсинного оружия, государства могут проводить защитные меры против такого оружия, что позволяет разрабатывать новые его виды, и др.¹³ По сути дела, конвенция является джентльменским соглашением, ибо эффективный международный контроль за обеспечением строгого соблюдения ее положений не предусмотрен, да и вряд ли он возможен¹⁴.

Наша страна не признала в свое время принцип разумной достаточности военных потенциалов государств, выдвинутый впервые США в 1969 году, без существования которого вряд ли можно было бы говорить о праве разоружения. До 1987 года наша военная доктрина наряду с наступлением как решающим видом военных действий признавала закономерность обороны "как временного и вынужденного вида военных действий". Правда, в отличие от военной доктрины стран НАТО, отечественная доктрина предусматривает с

1982 года пропагандистский запрет на применение первыми ядерного оружия. Беларусь, Казахстан, Россия и Украина подтвердили это обязательство в соглашении 1991 года.

Первой мерой реального разоружения, когда из арсеналов двух крупнейших держав было изъято и уничтожено порядка 4% всех запасов ядерного оружия (достаточных для уничтожения человечества), явился Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности 1987 года. Затем было подписано в 1990 году временное Соглашение между СССР и США об уничтожении и непроезде химического оружия и о мерах по содействию многосторонней конвенции о запрещении химического оружия, не вступившее в силу из-за невозможности, главным образом по экономическим причинам, начать на территории бывшего СССР процесс уничтожения химического оружия. Согласно положениям соглашения стороны обязались начать уничтожение химического оружия не позднее 31 декабря 1992 г., а к 31 декабря 1999 г. должно быть ликвидировано не менее 50% суммарного количества отравляющих веществ СССР и США (к 2002 году подлежат уничтожению 90% таких вооружений). По данным международной конференции экспертов и ученых по вопросам запрещения и уничтожения химического оружия, состоявшейся в 1991 году в Москве, СССР (теперь Россия), имеющий наибольший арсенал химических вооружений в мире, пока не готов к его ликвидации¹⁵. По подсчетам армейских специалистов США, в 1988 году для уничтожения американских запасов химических вооружений потребовалось бы более 3,4 млрд. долл.¹⁶ России (на ее территории предположительно находятся основные запасы) вряд ли потребуется меньше средств.

В 1991 году был подписан Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ) примерно на 30%. СНВ бывшего СССР размещены на территории четырех государств: России (75% боезарядов), Украины, Казахстана (25% – в обоих государствах примерно поровну) и Беларуси (1%)¹⁷. Эти государства в соответствии с соглашением 1991 года обязались содействовать ликвидации ядерного оружия. Беларусь заявила о своем статусе государства, свободного от ядерного оружия. Позиция Казахстана и Украины в ядерных вопросах могла бы быть более четкой. Однако в целом перспективы имплементации Договора по СНВ благоприятны, поскольку все четыре ядерных государства бывшего Союза ратифицировали договор или приняли на себя обязательство это сделать.

Применительно к Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ОВСЕ), подписанному нашей страной в 1980 году, следующие государства ратифицировали его в качестве преемников Советско-

го Союза в 1992 году: Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Молдова, Грузия, Азербайджан, Армения (сокращение вооружений затрагивает полностью или частично территории этих государств). Страны Балтии договором не затрагиваются, поскольку в Вене СССР заявил о том, что берет на себя обязательство соблюдать соответствующие квоты применительно к вооруженным силам, находящимся на территории этих государств.

Как нам представляется, до заключения Договора по РСМД 1987 года и последующих соглашений о реальном разоружении международное право ограничения вооружений и разоружения было подотраслью права периода вооруженных конфликтов, а не самостоятельной отраслью международного права. Только после пока еще робких шагов в области фактического разоружения можно говорить о начале становления права разоружения и ограничения вооружений, причем последнее пока превалирует, поскольку среди составляющих его договорных норм преобладают меры в области ослабления опасности войны, предотвращения гонки вооружений в определенных сферах и районах, и в обозримом будущем вряд ли можно будет отказаться от вооружений как средства обеспечения безопасности государств и ограничиться контингентами милиции (полиции). Предложение о всеобщем и полном разоружении утопично да и опасно в нашем сложном, противоречивом мире, где существуют сверхвооруженные и в то же время слаборазвитые государства. Отдельные государства грубо нарушают нормы международного права, ухищряются даже обойти универсальные международно-правовые договоренности, являясь их участниками, представляют угрозу международному миру да еще к тому же стремятся тайно создать ядерное оружие.

Для реализации мечты — "перековать мечи на орала" — необходимы не только существенная трансформация международного права в плане его гуманизации и демократизации, создания прочных гарантий безопасности всех государств, но и глубокие изменения в сознании, психологии и мировоззрении людей, а также решение многих проблем, связанных с нестабильностью, религиозным фанатизмом, национализмом, массовой нищетой, голодом, болезнями, неграмотностью, неравенством и т. д.

Для западной доктрины международного права в целом характерен скептический подход к проблеме ограничения вооружений и разоружения. По мнению ведущего американского консультанта по вопросам национальной безопасности Дж. Дугласа, СССР преследовал следующие цели: достижение стратегического превосходства над противником и минимального риска для советской военной программы (договоры формулировались так, чтобы только противник

был обязан соблюдать их положения); сбор достоверной информации о военной мощи противника и его намерении использовать силу (в то же время уменьшалась его бдительность всеми доступными средствами дезинформации и обмана). Дополнительной целью являлось использование контроля над вооружениями для раскола западных союзов и обострения внутренних противоречий в западных сообществах. Далее Дуглас, ссылаясь на авторитетные источники, отмечает, что министр обороны СССР А.А. Гречко в 1966 году в беседе с министрами обороны и начальниками генеральных штабов Вооруженных сил стран – участниц Варшавского Договора называл, в частности, такие цели ограничения вооружений и разоружения:

1. Соглашения не должны позволить США и западноевропейским странам узнать "полную картину" о нашей военной технологии.

2. Наше стремление заключать договоры по разоружению должно использоваться в качестве орудия против западных военно-промышленных комплексов.

3. Этот процесс должен использоваться для привлечения на нашу сторону невоенной промышленности на Западе, чтобы обеспечить поворот общественных интересов США в гражданскую сферу и таким образом вбить клин между военной и невоенной промышленностью.

4. Разоружение должно помочь странам "третьего мира" принять нашу точку зрения по данному вопросу.

5. Этот процесс должен помочь нам получить больше информации о новейших военных исследованиях и разработках в странах НАТО и обеспечить нас лучшими возможностями для развития военной технологии и производства систем оружия и др.

Между разоружением и мировым правопорядком имеется неразрывная связь. Устав ООН не был предназначен для развития целей разоружения, создатели Устава верили в международный правопорядок, основанный на системе коллективной безопасности, при которой сохранение национальных вооружений, в частности в руках главных держав, являлось предпосылкой выполнения международных обязательств относительно поддержания мира и безопасности с помощью принудительных мер. Если после первой мировой войны последовало глубокое разочарование в гонке вооружений, то вторая мировая война привела к обманутым надеждам в деле разоружения. Поэтому в Уставе ООН идеи разоружения не сформулированы более четко, чем в Уставе Лиги Наций. Хотя деятельность Лиги потерпела крах, несомненно, что она уделяла больше внимания разоружению, чем ООН, в Уставе которой даже нет специальной статьи по данному вопросу и закреплён туманный термин "регулирование вооружений" наряду с "возможным разоружением". Поэтому

попытки доказать "превосходство" формулировок Устава ООН над соответствующими положениями Устава Лиги Наций неубедительны¹⁹.

Однако разоружение все же получило юридическое закрепление после второй мировой войны, что отмечалось американским юристом Ч. Райном, профессорами международного права в Падуе Л. Форлати и А. Гардина²⁰. Зарубежные специалисты признают также существование права разоружения, носящего характер частичных запретов²¹. По мнению некоторых юристов-международников, соглашения, касающиеся различных вооружений, – свидетельство начала кодификации правил их ограничения²². Французские юристы подчеркивают, что право разоружения является неотъемлемой частью права на мир²³.

В российской доктрине международного права преобладает точка зрения, что одной из его отраслей является право международной безопасности²⁴. В него включаются проблемы предотвращения войны, разоружения, коллективной безопасности, движения неприсоединения. Некоторые западные юристы-международники также выделяют международное право мира и безопасности²⁵, в которое они включают, в частности, договоры об ограничении вооружений, а также Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года.

Основы всеобъемлющей системы международной безопасности, выдвинутые бывшим СССР в 1986 году, включали все важнейшие мировые проблемы в военной, политической, экономической, экологической и гуманитарной и других областях. В меморандуме СССР о развитии международного права, распространенном на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, подчеркивалось, что оно должно стать правом всеобъемлющей безопасности, то есть речь шла обо всем международном праве, а не о какой-либо его отрасли. Следовательно, вряд ли стоит выделять право международной безопасности в узком понимании как отрасль общего международного права, ибо последнее в целом является правом международной безопасности и сотрудничества, что вытекает из Устава ООН и других международно-правовых документов. Проблема международной безопасности – это многокомпонентное явление, включающее нормы и принципы, относящиеся практически ко всем отраслям международного права. В силу этих причин представляется невозможным выделить безопасность в самостоятельную отрасль международного права.

Точку зрения, согласно которой право разоружения складывается как отрасль международного права, поддерживают Д.И. Фельдман и Р.М. Тимербаев²⁶. В то же время, как справедливо подчеркнул профессор Лондонского университета У. Батлер, между-

народное право ограничения вооружений и разоружения в том виде, как оно существует, чрезмерно туманно, и действующие соглашения не могут "интеллигентно" обсуждаться юристами-международниками из-за недостатка информации, а банальные утверждения типа "юридические обязательства разоружаться" не служат какой-либо полезной цели²⁷.

Представляется, что активно формирующееся только в последние годы международное право разоружения включает в себя совокупность всех юридических норм и принципов договорного и обычно-правового характера, а также институтов, относящихся к данной проблеме. Изучение, определение и дальнейшее развитие всех этих понятий имеет особое значение для эффективного функционирования современного международного права в целом.

¹ См. *Дипломатический словарь* (Третье издание). — Т.3.—М., 1973. — С. 8; (Четвертое издание). — Т. 2. — М., 1986. — С. 443.

² *Lawyers and the Nuclear Debate.* — Ottawa, 1988. — P. 240.

³ *The Soviet Union Today.* — L., 1988. — P. 134.

⁴ *Тункин Г.И.* Механизм безопасного мира//Правда. — 1988. — 18 июня.

⁵ См. *Лазарев М.И.* Теоретические вопросы современного международного морского права. — М., 1983. — С. 21; *Международное атомное право.* — М., 1987. — С.15; *Курс международного права* (в семи томах). — Т. 1. — М., 1989. — С. 21.

⁶ См. *Василенко В.А.* Основы теории международного права. — Киев, 1988. — С. 213.

⁷ См. *Ушаков Н.А.* Проблемы теории международного права. — М., 1988. — С. 78—80.

⁸ См. *Усенко Е.Т.* Система современного международного права//Курс международного права (в семи томах). — Т. 1. — С. 265.

⁹ *Известия.* — 1991. — 23 дек.

¹⁰ См. *Осипов Г.А.* Развивающиеся страны и нераспространение ядерного оружия. — М., 1990. — С. 98—105.

¹¹ *Милхоллин Г., Уайт Д.* Развал стратегических сил бывшего СССР — к добру или худу?//Независимая газета. — 1991. — 5 дек.

¹² *Богданов О.В.* Право разоружения: итоги и перспективы//Сов. государство и право. — 1973. — № 10.

¹³ См. *Views on Possible Verification Measures for the Biological Weapons Convention*/Ed. S.J. Lundin. — Oxford, 1991. — P. 5.

¹⁴ На Конференции по рассмотрению действия конвенции были приняты в 1991 году меры в области контроля, открытости и доверия, определены ориентиры по укреплению режима запрещения бактериологического оружия, что полностью не решает всех проблем.

¹⁵ *Международная конференция ученых и экспертов по запрещению и уничтожению химического оружия*/Отв. ред. Г.А. Шевченко. — М., 1991. — С. 7, 39.

¹⁶ *The Destruction of Chemical Weapons and Chemical Warfare Agents*, SIPRI. — L., 1990. — P. 3.

¹⁷ *Ядерная мощь СССР*//Независимая газета. — 1991. — 2 нояб.

¹⁸ Douglass J.D.Jr. Why the Soviets Violate Arms Control Treaties. — Wash., 1988. — P. 48.

¹⁹ См. Денисов В.Н. Правовые аспекты разоружения в ракетно-ядерную эру. — Киев, 1990. — С. 64.

²⁰ См. Rhyne C.S. International Law. — Wash., 1971. — P. 600; Forlati L., Giardina A. Desarmement et National Unies//Revue de droit contemporain. — 1977. — № 2. — P. 13, 15.

²¹ The Law of War and Dubious Weapons. — L., 1976. — P. 39, 53.

²² International Law: Teaching and Practice. — L., 1982. — P. 105.

²³ Becet J.-M., Colard D. Les droits de l'homme. — P., 1982. — P. 129.

²⁴ См. Международное право/Отв. ред. Н.Т. Блатова. — М., 1987; Курс международного права (в семи томах). — Т. 4. — М., 1990. — С. 156.

²⁵ International Law; The Essential Treaties and Other Relevant Documents. — N.Y., 1985.

²⁶ См. Фельдман Д.И. Система международного права. — Казань, 1983. — С. 56; Тиммербаев Р.М. Рецензия на книгу О.В. Богданова "Запрещение оружия массового уничтожения" (М., 1985)//Междунар. жизнь. — 1985. — № 11. — С. 141.

²⁷ Butler W.E. Ensuring Compliance with Arms Control Agreements: Legal Responses//IV Anglo-Soviet Symposium on Public International Law held in Moscow, USSR, on 14–16 May 1990.